

ВРАЩАЯ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГЛОБУС

Исламистская опасность, ставшая самой главной для европейской культуры на протяжении особенно последнего десятилетия, заслонила от нас картину действительного мира, его многообразии, его хрупкость и вместе с тем способность к выживанию в условиях и неслыханных стихийных бедствий, и политической нестабильности, и технической отсталости, и крайней нехватки продовольствия и товаров первой необходимости. Часто повторяют тезис Хантингтона о столкновении (или войне) иудео-христианской и мусульманской цивилизаций, и привычный разноцветный глобус начинает приобретать черно-белую окраску. Так ли безнадежно положение в мире, стоит ли так волноваться по поводу бесчисленных терактов «воинов джихада» по всему миру?

Волноваться, конечно, стоит, ведь гибнут люди. Причем в большинстве своем — тоже мусульмане, что вовсе не повод для злорадства. В том же Ираке эти люди могли стать нашими единомышленниками и союзниками в деле демократического развития, которое в значительной степени снижает вероятность вооруженных конфликтов.

Как понимают мир те, кто следит за событиями за чашкой утреннего кофе, бегло просматривая газету или вполглаза следя за телевизионными новостями? Германские новости — конечно же, самые «важные». Затем — европейские или американские, потом — Ближний Восток. Вот и весь мир...

Соответственно, в России главные новости российские, в Америке — американские, в Польше — польские, и так далее. Сколько-нибудь связного представления о событиях во всем мире не дает **НИКТО** — эфир, как говорится, нерезиновый, да и газетные страницы тоже. Но — попробуем все-таки взглянуть на этот мир более широко, хотя бы с ограниченной точки зрения — исламистской и вообще военной опасности.

Вспомнился средневековый китайский роман «Путешествие на Запад», в котором в изощренной фантастической форме описывается паломничество буддийского монаха Сюань Цзана (реально существовавшего) в далекую Индию, к месту рождения Будды. Будучи по образованию востоковедом, я решил двигаться именно этим путем, а не более привычным для европейцев путём Марку Поло.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Посмотрите на обычную политическую карту мира — даже старую, в советского времени школьном атласе. Что вы знаете об этом мире? Кто сразу, без подсказки, покажет, где находится Сянган? (Подсказка — Гонконг, по всем параметрам — безусловная часть КНР, но имеющая мощные демократические традиции и остающаяся одним из важнейших финансовых центров мира). Заметьте — не КНР определяет каждое утро курсы акций и валют, а именно свободная биржа Гонконга (наряду, естественно, с токийской биржей).

Севернее — Корейский полуостров, разделенный на два государства. Южная Корея — процветающая демократическая страна, высококачественную экспортную продукцию которой ценят и в России, и в Европе, и в Америке.

Северная Корея (Корейская Народно-Демократическая Республика) — последний откровенно сталинистский режим на планете. Это одна из беднейших стран мира, где годовой доход на душу населения не превышает 500 долларов. И при этом численность армии превышает один миллион человек (при населении около 22 миллионов). На ее содержание уходит более половины и без того мизерного государственного бюджета. Впрочем, даже миллионная северокорейская

армия серьезным противником не считается — ее техническая оснащенность остается где-то на уровне 60-х годов. Опасность в другом — еще три года назад Пхеньян демонстративно вышел из Договора о нераспространении ядерного оружия и громкогласно объявил, что таким оружием обладает. По мнению директора МАГАТЭ Эль-Барадеи, сейчас у Северной Кореи может быть пять-шесть ядерных зарядов.

Есть и средства доставки — северокорейцы утверждают, что их ракеты могут долететь до Соединенных Штатов.

Безусловно, коммунистические вожди в Пхеньяне понимают, что допотопные средства ПВО не спасут страну от ответного удара. Они прикрываются... Южной Кореей и даже Японией, которые неизбежно пострадают в результате ядерного удара по Северной Корее. Тем не менее, они понимают, что и без применения оружия массового поражения править на этой земле им больше не придется.

Опасность в другом — северокорейское общество, управляемое по рецептам, составленным Сталиным и его учениками в 30-е годы, уже давно находится на грани экономического краха, и от падения в пропасть голода его удерживает лишь международная помощь. Ядерные заряды, равно как и ядерные технологии, стоят дорого, и Северная Корея готова их продавать — тому, кто больше заплатит. А львиная доля выручки пойдет на модернизацию любимой вождями армии. Впрочем, и радиоактивные отходы ядерного производства, предназначенные к захоронению, тоже можно выгодно продать — это лучшая начинка для так называемой «грязной бомбы», в которой эти отходы замешиваются в обыкновенную взрывчатку. Разрушения она причинит незначительные, но большая территория окажется зараженной радиацией. Об опасности этого «ядерного оружия бедных» предупредил в январе 2006 года министр внутренних дел Германии, проницательный Вольфганг Шойбле. По его словам, вопрос лишь в том, где и когда оно будет применено.

Переговоры с Северной Кореей, попытки убедить ее отказаться от ядерной программы продолжаются уже не первый год. Не раз сообщали: «Вот-вот, уже наметился прорыв». Хитрец Ким Чен Ир, «великий вождь корейского народа», каждый раз находил аргументы, чтобы уйти от окончательного ответа. Никаких сведений о продаже Северной Кореей ядерных технологий или материалов третьим странам тоже не появлялось. Но это не значит, что таких фактов не было. Разведка западных стран далеко не всеильна, а МАГАТЭ — Международное агентство по ядерной энергии ООН, которую в прессе называют *nuclear watchdog* — «ядерный сторожевой пес» — либо спит, как положено, в своей конуре, либо — уговаривает, уговаривает, уговаривает... Других полномочий нет и не предвидится. А проблема остается, более того, обостряется с каждой неделей.

ПОД ЗЕЛЁНЫМ И ДРУГИМИ ФЛАГАМИ

Далеко на юге — Индонезия, «архипелаг трех тысяч островов», привлекательно-экзотический мир и одновременно — самая крупная мусульманская страна мира. Она еще не сказала своего веского слова в мировой политике — вероятно, в первую очередь по той причине, что сама поражена внутренними раздорами. Как правило — религиозного характера. Еще совсем недавно, лет двадцать назад, индонезийский ислам в целом был весьма мягкой религией, допускавшей даже употребление свинины в пищу. И примерно тогда же, в области Ачех на севере Суматры, началось восстание исламских радикалов. Не первое, кстати, — и в первые годы независимости Индонезии они бунтовали, и намного раньше, в период голландского колониального правления. Ислам пришел к ним первым — с мусульманскими торговцами из Индии, вполне мирная религия, которая дала им возможность уйти от подавляющей кастовой системы, навязываемой индустскими правящими династиями суматранских империй и царств. Но северные князья, считавшие себя потомками Александра Македонского (Искандара З'уль Карнайна), решили драться за полную независимость. Восстания, одно за другим, подавлялись — радикальный ислам оставался. И лишь в этом году воинственная Армия свободы Ачех (GAM, Gerakan Aceh Merdeka) сложила оружие — по той причине, что экономика провинции была практически разрушена в результате прошлогоднего цунами. Но это вовсе не конец межрелигиозного насилия в стране, еще недавно бывшей примером религиозной терпимости. Вслед за кровавыми нападениями мусульман на Молуккских островах, населенных преимущественно христианами, последовали взрывы на Сулавеси (тоже христианском). Остров Бали, туристский рай, единственный остров, сохранивший

древнюю индуистскую религию, уже не раз подвергался атакам исламистских боевиков. Вероятность их дальнейшего повторения сохраняется, несмотря на титанические усилия местных служб безопасности. Просто в огромном потоке туристов, который вовсе не иссякает, трудно угледеть террориста с бомбой.

Впрочем, есть принципиальная разница между терактами на Бали и межобщинной враждой на Сулавеси и Молукках. В первом случае это «классический» международный исламистский терроризм, не имеющий иных целей, кроме как запугать «неверных» и заявить о себе. Едва ли кто помышляет о том, чтобы изменить религиозный и этнический характер уникального острова — такая задача ни местным, ни приезжим исламистам явно не по силам. Что же касается наступления ислама на преимущественно христианском востоке Индонезии, то здесь мы сталкиваемся с весьма тревожным явлением современного мира — радикализацией ислама, признаки которой мы находим и на Ближнем Востоке, и в нескончаемом насилии в Ираке, и в воинственных заявлениях иранского президента, и в бунте мусульманской молодежи в Европе. По сути дела, именно на востоке Индонезии начинается джихад — не тот, который выражается в самоубийственных взрывах в Израиле, Ираке или Афганистане, а уже настоящий — **покорение районов, населенных представителями других религий, и установление там власти ислама.** И пусть никого не вводит в заблуждение, что население этих районов составляет ничтожную долю от населения всей Индонезии, уже давно в подавляющем большинстве мусульманской — это только начало.

КИТАЙ — УГРОЗА ДАЛЕКО ВПЕРЕДИ?

В Индонезии существует одна важная степень защиты от исламского тоталитаризма — демократический строй. Еще в недавние времена он неоднократно нарушался, сменяясь длительными периодами военной диктатуры; сути это не меняет, демократия как принцип остается и в настоящее время является основой политической жизни страны. Это именно настоящая демократия, а вовсе не «направляемая демократия» (Demokrasi terpimpin), отцом которой был первый президент Индонезии Сукарно и которая ныне принята на вооружение российской властью. И в том варианте полувекковой давности, и в нынешнем российском главное содержание — тоталитаризм. Индонезия от этого ушла, Россия к этому вернулась. Китай был таким всегда, и едва ли изменится в обозримом будущем. Марксистско-коммунистическая составляющая в этой системе, по существу, ничтожна, главное содержание — «Срединная империя», занимающая центральное место в мире, в котором все остальные — «варвары». В том числе, кстати, и китайские мусульмане, живущие на северо-западе страны — уйгуры, узбеки, туркмены и другие народы среднеазиатского происхождения.

Китайцев много. Больше, чем мы можем себе представить в рамках привычных европейских ориентиров. Отсюда страхи, неизбежные страхи перед непредставимыми цифрами — «нас захлестнет волна китайцев», «пора учить китайский, скоро они будут здесь хозяевами» и тому подобное. Но есть и история, в той или иной степени отражающая особенности национального характера. Не было никогда завоевательных походов, китайская армия никогда не выходила за пределы «Срединной империи». Китайцы участвовали в победоносных походах монголов, но уже после воцарения в самом Китае монгольской династии Юань. Так или иначе, боевых соединений не было — в походах участвовали лишь китайские инженеры, обслуживавшие осадные машины.

Солидные китайские колонии есть в любой стране мира, везде — в результате легальной иммиграции. Только в России с этим явная неувязка. Даже многочисленные китайские рестораны — там намного дороже, чем любые другие. Все, как говорится, не как у людей.

Лишь в одном государстве мира — в Сингапуре — китайцы, не составлявшие большинства населения, смогли поставить на пост премьер-министра своего соотечественника, знаменитого Ли Куан Ю. Больше тридцати лет он был премьер-министром и превратил Сингапур, бывший английский форпост, в самую процветающую страну Юго-Восточной Азии. Кстати, с рождения Ли Куан Ю говорил по-английски — китайский он выучил позже, а потом еще малайский и тамильский — языки других крупных групп населения крошечной республики.

Итак, Китай никогда не проводил сколько-нибудь крупных военных действий. И даже «Великий поход» китайской Народной армии, который в конечном счете привел Мао Цзэдуна к власти,

был в стратегическом отношении нонсенсом — лишь огромный перевес людских сил сыграл роль.

Не думаю, что нам стоит бояться китайской экспансии. Гигантские армии не хлынут на соседние территории ни в ближайшие десятилетия, ни вообще в обозримом будущем. Не бойтесь этих людей — честных, трудолюбивых и дружелюбных. Нелегалы — выдворять. Мафия — подавлять. Претензии не к китайцам, а к собственным мерзавцам!

Китай уже на наших глазах превратился в одну из ведущих экономических держав мира — кто-то ставит его на шестое место, кто-то даже на четвертое. Россия где-то намного дальше — ее ВВП, даже удвоенный, как обещает Путин, лишь приблизит ее к уровню экономического развития Польши, как вы понимаете, не относящейся к числу экономических гигантов. Тем не менее, национальная концепция развития Китая содержит тезис: «Любыми способами расширять границы Народной Республики». Казалось бы, прямой призыв к территориальной экспансии. Но концепция была выработана десятилетия назад, а за это время и мир изменился, и обнаружились менее обременительные способы получения доходов. В отличие от Запада, использующего в качестве инвестиций спекулятивные портфельные вложения, Китай, испытывающий постоянную нехватку энергоносителей, рискует на прямые инвестиции — вложения в действующие или создаваемые предприятия, преимущественно в энергетической области. Только в России они превышают миллиард долларов, а сколько еще в соседних странах Юго-Восточной Азии, в странах с отдаленной энергетической перспективой — Мьянме, Венесуэле, Судане, Анголе? Понятно, что территориальная экспансия Китая в Анголу исключена. Но вот экспансия экономическая — налицо.

«Их же так много, куда же им деваться?» — нормальный, в принципе, вопрос, часто присутствует он и в российской прессе, но уже как неотразимый аргумент. Миллиардные цифры, конечно же, пугают. Но ведь есть хотя бы пример Вьетнама, превратившегося за считанные годы из самой бедной страны в нетто-экспортера риса и резко поднявшего уровень жизни в стране! Он явно выше, чем нынешний средний уровень жизни в России, и это еще один повод для размышлений. Во Вьетнаме практически сформировался средний класс (даже при номинально коммунистическом режиме) и двигает вперед всю экономику страны. В России же, номинально демократической, уровень жизни населения мало кого волнует. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих...

Есть лишь одна ультимативная причина эмиграции или — в ином выражении — вооруженной экспансии. Голод. Или его перспектива в ближайшем будущем. Ни того, ни другого в Китае не предвидится. Так что подождем с паникой.

К ЗАПАДУ ОТ КИТАЯ

Подождем и с преимущественно католическими Филиппинами — вроде бы мы их пропустили в нашем движении с Востока на Запад, а там тоже нелегкие проблемы с мусульманским меньшинством на юге, с группировкой «Абу Саййаф». Впрочем, эти проблемы легче, чем в остальном мире, и то, что они радикально не решаются, можно списать на подчеркнутую демократичность местных властей. Все-таки юг не самого населенного острова Минданао, где обосновались мусульмане — *того*, «мавры», — не представляет серьезной угрозы ни для Филиппин, ни для региона Юго-Восточной Азии, ни для мира в целом. За одним исключением — есть сведения, что в лагерях «Абу Саййаф», занесенной ООН в список международных террористических организаций, проходят подготовку мусульманские экстремисты из сопредельных стран.

Вернемся на континент, минуя Бирму (или Мьянму, в современной транскрипции). Загадочная страна, поглощенная собственными проблемами, военная диктатура, которая ни для кого не представляет угрозы, — разве что для себя самой.

Процветающая Малайзия с населением менее 25 миллионов являет собой живой пример межрасового и межрелигиозного спокойствия — помимо мусульман-малайцев, составляющих большинство, там живут и китайцы, и индуисты-тамилы. Никто из них не испытывает ни религиозного, ни экономического давления со стороны большинства. И центральная власть традиционно крепка, и бурное индустриальное развитие не дает возможности населению отвлекаться на проблемы, свойственные менее благополучным странам. В свое время мало кого ввели в

заблуждение высказывания бывшего премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда, сходные по тону с нынешними откровениями иранского президента Ахмадинежада. Малайзия явно не имеет никакого отношения к джихаду или его подтолка; вероятно, Махатхир, выступавший на форуме Организации Исламская Конференция, хотел показать, как говорит в Европе, «более католиком, чем сам Папа Римский». Многие рассматривают Малайзию как пример межэтнической и межрелигиозной гармонии, которому должны следовать и другие страны. Но пока этот пример является уникальным.

На крайнем юге соседнего буддийского Таиланда живет мусульманское меньшинство, время от времени заявляющее о себе вооруженными выступлениями. Правда, власти довольно легко с ними справляются, и сколько-нибудь серьезной угрозы эти выступления не представляют. Далее — Бангладеш, одна из наименее упоминаемых в международном прессе стран и одна из наиболее густонаселенных в мире. Подавляющее большинство 140-миллионного населения составляют бенгальцы-мусульмане, лишь в окраинных гористых районах живут немногочисленные народности, исповедующие буддизм или племенные религии. Формально это светское государство, но исламские партии пользуются там исключительно большим влиянием. Соответственно — и атмосфера в обществе. Я был там тридцать лет назад, женщина в чадре, да еще в черном балахоне из «болоны» — это можно было встретить, очень редко, на автобусных станциях где-нибудь в провинции. Сейчас — обычная картина в самой Дхакке, столице и вообще единственном крупном городе страны. Есть и исламистские партии, требующие введения шариатского правления, есть и воинствующие группировки, одна из которых не так давно устроила серию взрывов в различных населенных пунктах, без особых жертв, лишь с одной целью — привлечь к себе внимание.

Едва ли из этого следует делать выводы о радикализации ислама в Бангладеш. Для убежденного исламистского проповедника, ищущего потенциальных воинов джихада, Бангладеш, на первый взгляд, настоящее золотое дно. Увы — лишь жалкие единицы зафиксированы разведками в известных им лагерях, где готовят террористов. Недавно в соседней Индии были схвачены двое террористов с взрывчаткой, оба из Бангладеш. Задержан и их руководитель Шейх Абдур Рахман, ответственный за организацию взрывов в самой Бангладеш. Правда, в терактах в Лондоне не было замечено ни одного выходца из Бангладеш, хотя их присутствие на британской земле весьма ощутимо — и в бизнесе в том числе. Зададимся вопросом — почему в такой нищете, как в Бангладеш, не находится «адекватного» количества «воинов джихада»? Дело в том, что потенциальные кандидаты, как правило, это — выходцы из городской маргинальной среды, а подавляющее большинство населения Бангладеш занято в сельском хозяйстве, и урожай или стихийное бедствие этого года вовсе не исключают надежд на долгожданное богатство в следующем году (на самом-то деле в крепких хозяйствах урожай риса собирают трижды в год)!

Нет, не пойдут бенгальцы-мусульмане завоевывать «ненавистную Европу», тем более, что они перед этой Европой испытывают стойкий цивилизационный пиетет. Вероятно, такой же, как индийцы и пакистанцы. Другое дело, что при переселении в Европу (в ту же Англию) они приносят с собой и свои надежды, и свои, по сути дела, племенные обычаи. Одно входит в противоречие с другим — и внутренний цивилизационный конфликт неизбежен. Кто-то может его обойти — и становится достойным членом британского, американского, германского общества. И при возвращении домой — столь же достойным, но уже в Индии, Пакистане, Бангладеш. Никто из них не становится террористом-самоубийцей. Террор — это удел слабых.

Те, кто цивилизационный конфликт преодолеть не смог и стал обитателем национального гетто — неважно, индийского ли, пакистанского или бангладешского (это условно — бангладешского гетто я даже в Лондоне не видел), — становится легкой добычей исламистских вербовщиков.

Удивительно — в Бангладеш утвердилось уважительное отношение к национальным меньшинствам, населяющим гористые районы близ Читтагонга (Chittagong Hill Tracts). Чакма, или могах, как их чаще называют бенгальцы, долго боролись за свои права и смогли их завоевать. Они буддисты, правда, с примесью древних анимистических верований; их даже побаиваются, опасаясь колдовской напасти. В своих деревнях женщины чакма ходят с открытой грудью; в бенгальских селениях или городах они, как правило, надевают блузку или даже мужскую рубашку. Просто они не хотят отличаться от других — и нормально сливаются с разноцветной толпой, заполняющей местные рынки.

НЕНАВЯЗЧИВАЯ БИТВА ГИГАНТОВ

Индия, которая помогла Бангладеш (бывшему Восточному Пакистану) завоевать независимость, достаточно прохладно относится к своему порождению. Ни в стратегическом, ни в экономическом отношении эта страна для гигантской Индии интереса не представляет. Эти интересы направлены совсем в другую сторону — на Запад, как ближний, так и отдаленный.

В период наивысшего подъема «азиатских тигров» — Южной Кореи, Сингапура, Малайзии, Индонезии, Таиланда — очень многие аналитики были убеждены, что центр мировой экономической жизни перемещается на сторону Юго-Восточной Азии. Теперь об этом говорят все меньше — и не потому, что экономический рост там замедлился. Это как раз благоприятный фактор, позволяющий избежать опасного «перегрева» экономик и предотвратить связанные с ним кризисы. Но ведь перемещение центра — это прежде всего перемещение капиталов, а этого как раз и не происходит. Зато заговорили о новых центрах притяжения — Китае, о котором мы уже упоминали, и Индии. Нет сомнений, что эта страна постепенно превращается в великую мировую державу, соперничая прежде всего с Китаем, который такой державой уже стал. По численности населения Индия лишь немногим уступает Китаю — 1,1 млрд. против 1,3 млрд.! Но в результате длительной и жестокой кампании по ограничению рождаемости население Китая стареет, а в Индии этого не происходит. В результате работоспособных людей в Индии в течение десятилетий будет больше, чем «иждивенцев», и это становится важным фактором экономического роста.

Обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Николас Кристоф отмечает удивительную тягу к образованию. В детских садах в бедном районе Калькутты учат английский, бенгали, математику, занимаются рисованием и музыкой и даже выполняют домашние работы! Автор удивляется: большинство американских газет заманивает читателей комиксами, британская бульварная пресса — полуобнаженными красотками, а калькуттская ежедневная газета настолько «обнаглела», что публикует регулярную колонку о математических уравнениях! Что ж, ведь и шахматы были изобретены в Индии... И вовсе не случайно, что главной статьёй экспорта этой страны стала продукция не промышленная, как в Китае, а продукция интеллектуальная — Индия является крупнейшим экспортером компьютерных программных продуктов, и уже сейчас современные отрасли индустрии без них обходиться не могут. В стране с населением более миллиарда человек растут сотни тысяч будущих математиков и программистов, и это залог не только индийского, но и всемирного прогресса. Заметьте — в Бангалоре, центре индийского компьютерного бизнеса, число инженеров, занятых в информационных технологиях, больше, чем в знаменитой Силиконовой долине в Калифорнии! Более того — и в самой Силиконовой долине более 30 процентов специалистов — индийцы или дети индийцев, родившиеся уже в Соединенных Штатах.

Впрочем, не будем обольщаться — Индия вовсе не собирается становиться мировым филантропом, ведь все имеет свою цену. Уровень жизни среднего индийца вдвое ниже, чем в Китае. Амбициозные социальные программы глохнут на корню в лабиринтах всеильной и фантастической по численности бюрократии. И ни одно правительство не обладает достаточными силами для радикальных реформ. Одна из причин — постоянная внешняя угроза (по крайней мере, в официальной пропаганде), это тлеющий уже более полувека конфликт с Пакистаном и его крайнее выражение — кашмирский вопрос. Можно сотни раз обвинять Англию, разделившую Британскую Индию на два государства — Индию и Пакистан — по религиозному признаку. Кашмир же населен преимущественно мусульманами, но значительная его часть все-таки относится к Индии. Вооруженные столкновения между двумя странами происходили неоднократно, были даже полномасштабные войны — до тех пор, пока сначала Индия, а потом и Пакистан не обзавелись атомной бомбой. Ни та ни другая страна не присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия. В свое время это вызвало и широкое международное осуждение, и даже экономические санкции, но потом все было забыто. Стало ясно — две страны нацелились друг на друга и ни на кого другого, повторив в локальном варианте концепцию «гарантированного взаимного уничтожения», определявшую прохладно-уважительные, исполненные скрытой ненависти отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Индия никому не угрожает своей бомбой, утверждая, что это лишь средство обороны. Пакистан утверждает то же самое, не привлекая к аргументации исламские лозунги. И при этом — Индия остается страной, где количество мусульман больше, чем в любой из стран Ближнего Востока, уступая по этому показателю лишь Индонезии и в совсем незначительной степени — Пакистану и Бангладеш. Тем не менее, мусульманское население (а оно составляет не менее 130 миллионов человек), живущее, как правило,

в крупных городах, не проявляет стремления к обособлению или радикализации. Из Индии не выходят «воины джихада». Ни одного индийца не замечено в «Аль-Каиде», ни одного индийца среди узников базы Гуантанамо. Причина — в широко распространенной демократии, религиозном, расовом и даже кастовом мире, царящем в Индии на протяжении последних десятилетий; впрочем, именно кастовая проблема является наиболее актуальной. Простые объяснения утверждают — когда племена арьев пришли на территорию Индостана, они были разделены на четыре общественных группы — варны (цвета): брахманы (священники), кшатрии (воины), вайшьи (торговцы) и шудры (земледельцы). Эти категории сохраняются в индуизме, чрезвычайно сложной и, я бы сказал, изощренной религии. Это — не касты, которые исчисляются многими сотнями. В каждом из многочисленных народов, населяющих Индию, есть свои касты, в той или иной степени соотносящиеся с древними варнами. Но в каждом штате есть свои особенности, влияющие даже на возможности человека той или иной касты занять тот или иной ответственный пост. Всего же каст несколько сотен, и разобраться в них не под силу даже индийским администраторам.

Индия — страна безусловно демократическая, но кастовая система откровенно антидемократична. Это еще не до конца светское, а пока в значительной степени религиозно ориентированное общество. Правда, доминирующая религия — индуизм — не претендует, в отличие от ислама, на мировое господство.

Ожнее, на Шри Ланке, индуизм исповедуют лишь пришлые тамилы, организовавшие при этом исключительно эффективное движение сопротивления, не гнушающееся террористическими методами — «Тигры освобождения Тамил Илама». Они дают время от времени о себе знать, но ущерб, нанесенный их акциями, в принципе, невелик. Это — чисто национальный терроризм, базирующийся прежде всего на этническом принципе. Так это было в начале XX-го века, когда ирландский терроризм начал трясти благополучную Англию. И кончился совсем недавно, когда главный оплот терроризма, Ирландская республиканская армия, объявила о своем разоружении. Тамилы, составляющие явное меньшинство населения, но плотно заселившие север острова с центром в Джафне, оружия не складывают. Их цель — автономия, но Шри Ланка — унитарная республика, и образование автономии противоречило бы конституции. Существует один из гипотетических сценариев: поскольку большинство тамилы на Шри Ланке являются выходцами из индийского штата Тамилнаду, Индия посылает войска для поддержки соотечественников и легко завоевывает остров, большинство которого населяют сингалы — близкие к арьям, но — буддисты. Для индуистского общества и этот сценарий был бы неприемлем, сколь бы увлекательно он ни был изображен в романах знаменитого Тома Клэнси.

Собственно, почему? В индуизме твой жизненный путь определяют сонмы богов. Каждый шаг предопределен, и конец твой известен заранее. В буддизме — ты сам кузнец своего будущего. Хочешь — стать героем. Каста твоя значения не имеет. Хочешь — стать царем. Или, если отречься от мирских сует, — стать Буддой. Я не слышал, чтобы кто-нибудь стал.

В далеком прошлом были войны между индийскими царствами. Потом — империя Великих Моголов, мусульманских потомков Чингиз-хана. Она была разрушена уже англичанами. Религия менялась много раз — от ведической арийской до буддизма Ашоки, от эллинистических верований после завоеваний Александра Великого до умеренного ислама моголов, к которому фантастическим образом примешались местные верования. Завоевания Бабура, Акбара Великого, Аурангзеба были лишь завоеваниями территории — вовсе не «священной войной против неверных». И империя Великих Моголов до их капитуляции перед английской армией властвовала над огромной массой «неверных»- индуистов и вовсе не преследовала их за веру.

Уже совсем недавно были вспышки религиозного экстремизма среди индуистов, но они носили лишь локальный характер и поддержки в обществе не получили. Зато исламская (или, скорее, исламистская, «джихадистская» угроза) заявляет о себе в полную силу. Достаточно сказать, что за последние пятнадцать лет в Индии погибло от чисто «джихадистских» терактов больше людей, чем в любой другой стране мира. Это было дело вовсе не местных мусульман, а членов зарубежных террористических группировок. Индия, как подчеркнута демократическое и мультикультурное общество, вызывает естественную неприязнь соседних обществ, в которых очень сильно давление радикальных мусульманских кругов, ставящих целью перестроить общественную жизнь на основах шариата. Индия прекрасно осознает опасность глобального терроризма, и на этой основе происходит ее сближение со страной, объявившей терроризму тотальную войну, — с Соединенными Штатами. Делаются заметные шаги в стратегическом и военном сотрудничестве, и хотя Индия не поддержала иракский поход Вашингтона, можно сказать, что прежней политике

«неприсоединения» постепенно приходит конец. Уж больно велики ставки в разгорающемся цивилизационном конфликте, и Индия стремится более откровенно позиционировать себя на стороне демократии и прогресса, связанного с западными ценностями.

Это вызывает нескрываемое раздражение у ближайшего соседа и вечного соперника Индии — Исламской Республики Пакистан. В объявленной войне против международного терроризма Пакистан рассматривается как важнейший союзник Америки, хотя этот тезис касается не столько Пакистана как общества, сколько Пакистана как политического режима, железной рукой управляемого генералом Первезом Мушаррафом. Сотни членов «Аль-Каиды» уже уничтожены в Пакистане, ведутся поиски (долгие и не слишком эффективные) самого Усамы бин Ладена в районе пакистано-афганской границы. Но зададимся вопросом: почему «Аль-Каида» избрала своим убежищем именно Пакистан? Далеко ли распространяется власть военных, да и самого президента? Увы, ответ будет неутешительным. Даже на юге и в центре страны, в Карачи, в Лахоре, Равалпинди, охваченных экономическим бумом (годовой экономический рост Пакистана в этом году может достичь 8 процентов), исламские фундаменталистские настроения очень сильны. На гораздо менее населенном Западе и Северо-Западе сохраняется кланово-племенная структура (у белуджей, пуштунов, других народов); там речь о фундаментализме не идет, но и власть центрального правительства чисто номинальна. Племена или воюют, или договариваются друг с другом, и данное слово считается священным. Вероятно, какое-то пограничное племя дало слово (за солидную плату, естественно) бин Ладену, и найти его в такой ситуации будет непросто.

Впрочем, «Аль-Каида» как таковая, несмотря на произносимые время от времени страшные угрозы, едва ли является в настоящее время солидной террористической организацией, способной эти угрозы осуществить — без посторонней помощи. Недавно даже в далекой Колумбии арестовали «каидовцев» с поддельными паспортами, сначала думали, что это просто наркокурьеры. Конечно же, наркоторговля дает уже давно ощутимую финансовую поддержку террористическим организациям — причем всем, вне зависимости от их религиозной или идеологической направленности.

Вернемся, однако, к Пакистану. Индия считает эту страну главным спонсором терроризма, поскольку все «героические акции патриотов по освобождению Кашмира» носят исключительно террористический характер. Исключение составляют лишь бескровные перестрелки на заснеженных горных перевалах... Пакистан считает Кашмир главной национальной проблемой, и именно для ее решения (или как повод) было создано пакистанское ядерное оружие. К договору о не распространении и Пакистан не присоединился, и отец пакистанской бомбы Абдул Кадир Хан продал чертежи и даже целые газовые центрифуги для обогащения урана за рубеж — Ирану, а возможно, и Северной Корее. Сейчас арестованный Кадир Хан еще не закончил давать показания, и, возможно, нас ждут еще новые сенсации.

Пакистанское общество еще со времен раздела Британской Индии, который был сочтен мусульманами несправедливым, находится в весьма возбужденно-радикализованном состоянии. Ситуацию там едва ли можно назвать стабильной, демократические реформы не проводятся или застревают в бюрократических закоулках. Диктаторский режим Мушаррафа занят преимущественно укреплением собственной власти, что опять же не придает стране стабильности в долгосрочном плане. Только за последний год было несколько покушений на жизнь президента, и одно из них чуть не оказалось удачным. Что будет, если его все-таки убьют? В условиях диктатуры это может означать резкое изменение курса, отход от союзнических отношений с Вашингтоном, усиление агрессивного курса по отношению к Индии и превращение Пакистана в откровенно исламистско-фундаменталистское образование. Кашмирская проблема — лишь одно слабое звено такого гипотетического будущего. Десятки, если не сотни, фундаменталистских организаций по всей стране; тысячи медресе, в которых, что называется, с младых ногтей прививают ненависть к Западу и к евреям (заодно и к индусам, без этого никак). Должен внести ясность — индусами называют последователей индуизма, одной из самых древних и разветвленных религий на Земле. Есть брахманисты (как правило, в отдаленных горных районах), есть шиваиты, вишнуиты и кришнаиты, которые, в свою очередь, делятся на десятки ответвлений. Тем не менее, ни один, даже самый европеизированный, шиваит не пройдет без поклона мимо храма, посвященного Кришне. Все они — индусы. Индийцы — это и они тоже, и индийские мусульмане, и сикхи, и джайны, и достаточно многочисленные индийские христиане. Известного вам по «Графу Монте-Кристо» аббата Фариа помнят в Индии до сих пор, считают его святым, обратившим в христианство многие сотни индийцев.

Впрочем, именно индийское многообразие, гармоническая разноцветность вызывает особый вид ненависти у фундаменталистских исламских проповедников. Если даже такие враги, как христиане и евреи — все-таки «Люди Книги (то есть Библии, Торы, Книга Инджиль — это все одна и та же Книга), то Индию населяют вообще язычники, которых Аллах повелел истреблять!»

Уже более полувека курсантам пакистанских военных академий внушают, что главный враг — это Индия, и главная задача — освободить Кашмир. До сих пор не получилось, но попытки могут повториться — думаю, что, как и прежде, с нулевым результатом. Напротив, наметилось определенное сближение двух стран, появились зачатки взаимного доверия. Весьма успешным был визит генерала Мушаррафа в Дели в апреле 2005 года, и одним из важных знаков стало открытие Индией своих границ для прохода конвоев с гуманитарной помощью в районы Пакистана, пострадавшие от катастрофического землетрясения. Продолжение этого процесса в перспективе могло бы снять существующее напряжение, весь вопрос в том, готово ли пакистанское общество к этому продолжению.

Вы заметили — очень многие даже вполне осведомленные международные наблюдатели восприняли курс Буша-младшего на расширение и продвижение демократии по всему миру лишь как очередной лозунг, как подобную многим прежним попытку распространения типично американских ценностей на весь остальной мир. Дескать, кока-кола, гамбургеры и все такое — типичный и беспомощный аргумент антиглобалистов, собирающих многочисленные толпы именно против этих «ценностей». На самом же деле практически все американские кабинеты делали ставку прежде всего на диктаторские режимы, казавшиеся им достаточно прочными. Режим Пакистана изначально непрочен, и поэтому США на него давят — продвигайте, дескать, демократию. Тоже ведь — палка о двух концах. Что, если к власти в результате демократического процесса придут откровенные фундаменталисты и попытаются установить шариатское правление? Как-то бывший помощник Госсекретаря США Джереджиан охарактеризовал подобную ситуацию исчерпывающей формулой: «Один человек. Один голос. Один раз», то есть больше — никаких голосований, никакой демократии. Конечно же, такой крайне неблагоприятный исход тоже учитывается, но мало кто может сомневаться в ультимативной триаде американских идеологов — «чем больше демократии, тем больше стабильности, тем больше мира».

Как удивительно — Пакистан связывают с внешним миром либо дикие пустыни (Качский Ранн на юге), либо кашмирские кручи на границе с Индией, либо достаточно дикие и неуправляемые племена белуджей на западе, на границе с Ираном, либо пуштунские племена, контролирующие все перевалы севернее Пешавара, на границе с Афганистаном.

«СТРАНА, КОТОРУЮ НИКТО НИКОГДА НЕ СМОГ ЗАВОЕВАТЬ»

Так всегда говорили об Афганистане романтики, не учитывавшие реальных исторических событий. Много раз эта страна была покорена, наводнена войсками иноземных властителей, начиная с Александра Македонского, индийского царя Ашоки, Тимура и Великих Моголов и кончая советским «ограниченным контингентом», и даже труднодоступный горный район, получивший название «Кафиристан», который населяли голубоглазые рослые люди, не исповедовавшие ислам, был покорен, razoren и получил название «Нуристан» — «Страна Света». Тем не менее, Афганистан — действительно «трудный орешек». На севере — узбеки, лидер которых, генерал Дустум, обладает колоссальным влиянием, несмотря на время от времени появляющиеся обвинения в хладнокровном убийстве мирных крестьян. Кажется, сейчас Дустум стал начальником генерального штаба — может быть, и не зря. В подавлении восстаний и выступлений недовольства он имеет огромный опыт. Южнее, вокруг Кабула — таджики, самый, по сути дела, цивилизованный народ Афганистана, говорящий на языке дари (прежнее название — фарси-кабули, то есть кабульский персидский). На этом языке существует интересная литература, на нем говорит интеллигенция и жители практически всех крупных городов. За их пределами — полудикие племена, руководствующие лишь своими племенными обычаями и говорящие на различных диалектах языка пушту. Они никогда не подчинялись центральному правительству; время от времени созывалась «лойя джирга» — совет старейшин племен — и на ней утверждался король (или, как сейчас, президент). Он, кстати, обязательно должен быть пуштунского происхождения, и нынешний президент Махмуд Карзай этому требованию удовлетворяет. Как, впрочем, и другим требованиям, отличающим государственного деятеля высокого уровня.

Экономика страны растет, и даже площади под опийным макаом радикально сокращаются — при том, что Афганистан до сих пор фигурирует в списке стран-основных поставщиков наркотиков на мировой рынок. Мы же получаем чуть ли не каждый день сообщения о вооруженных столкновениях, нападениях талибов на тот или иной объект. На самом деле главная проблема — так называемые частные армии. Каждая из них стремится прежде всего установить границы своего влияния — и на этой территории властвовать безраздельно. Талибан — это лишь одна из таких частных армий, и, по большому счету, реальной угрозы центральному правительству она не представляет. Нынешний Афганистан — почти копия того, что был во времена короля Мохаммеда Захир-Шаха; даже главой государства стал пуштун Хамид Карзай (все короли были пуштунами, и лишь после свержения Захир-Шаха эта традиция была нарушена). Лишь времена изменились, и сегодня мы получаем полноценную информацию о регионе, о котором мы раньше узнавали из стихов Киплинга и кратких сводок об «ограниченном контингенте». Так или иначе, Афганистан если не навсегда, то надолго выведен из перечня стран, перед которыми демонстративно расшаркиваются диктаторские режимы и которых по мере возможности избегают демократические страны планеты. Нельзя еще сказать, что демократия в Афганистане победила; но и потерпеть поражение ей никто не позволит. И даже в случае поражения — Афганистан может вновь превратиться в гнездо терроризма, — но будет локализован и, соответственно, станет первой целью новой международной контртеррористической операции, по образцу уничтожения талибов; никто не может сказать сейчас, что движение «Талибан» существует и действует; есть талибы, они воюют в каких-то бандах, но самого движения, отвоевавшего Афганистан у националистов, в свою очередь разгромивших русские войска, — этого движения больше нет. Есть его идеолог — мулла Омар, он, как и его союзник-соперник — Усама бин Ладен, — издают фатвы, записываются на видеопленку, дают знать, что они все еще живы и по-прежнему опасны. Насколько — никто не знает. Во всяком случае, серьезной опасности для всеобщего мира они, думаю, уже не представляют.

Итак, «Талибан» как организация, которая могла даже править целой страной (правда, правление это было катастрофой), как мы видим, уже перестала существовать. Талибы — еще есть, еще воюют, но уже по инерции. Но племенные пуштунские эскадроны, готовые к самопожертвованию и лобовой атаке, на юге страны определяют стратегическую ситуацию, и американские или английские войска, от подобного ведения войны уже отвыкшие (разве что вспомнить времена гражданской войны?), уступают нападающим оперативное пространство (хотя, при современных средствах ведения боевых действий, понятие оперативного пространства кавалерийской войны полностью утратило свое значение). Тем временем заметные события происходят и в Кабуле. Я имею в виду назначение безусловного лидера афганских узбеков генерала Дустума на пост начальника генерального штаба. Его послужной список — удивителен. Он воевал и против советских войск, и против таджикских моджахедов Ахмад-Шаха Масуда, и против неожиданно наводнивших Афганистан отрядов талибов. И даже когда его столицу, Мазари-Шариф, талибы подчинили своей власти, Абдурашид Дустум, уйдя в подполье, не утерял ни йоты своего прежнего влияния. Конечно же, тактическую ситуацию в стране ему придется менять еще не один год, но это именно тот человек, который может это сделать. Это действительно так, что правительственные войска контролируют лишь Кабул и несколько крупных городов, да и то только в светлое время суток. Но так было и во время правления «ограниченного контингента советских войск», и так же было во время королевского режима. В Афганистане воевали всегда, это способ национального самовыражения, но воевали друг с другом, с соседними кланами, и крайне редко — с иностранными агрессорами. Но никогда не идентифицировал Афганистан себя внутри всего мира в качестве форпоста ислама. Словом, Афганистан как таковой реальной угрозы для всеобщего мира уже не представляет. Более того — демократическое развитие этой страны, хоть и сложное, и противоречивое, может стать примером и для соседних стран — Пакистана и, конечно же, Ирана.

Иран является ближайшим западным соседом Афганистана; родственные языки, родственные культуры, родственные народы — и, тем не менее, разный взгляд на жизнь. Афганцы не любят иранцев, те отвечают им взаимностью. Трудно сказать, в чем здесь причины, но, так или иначе, Иран не поддерживал ни «моджахедов», воевавших против советских войск, ни пришедших им на смену талибов. Во всяком случае — открыто. Какие-то слухи были, но подтверждения им так и не нашлось. Мы обычно забываем и еще один немаловажный фактор — движение «Талибан» возникло вовсе не в Афганистане, а в тех самых тысячах медресе, скажем: средних мусульманских школах в Пакистане, где учились выходцы из пуштунских племен, для которых до сих пор не

существует границы между Пакистаном и Афганистаном. Американцы видели в них средство борьбы с советской экспансией и, в общем-то, сделали формально правильный выбор — фанатичным талибам удалось покорить весь Афганистан и вытеснить все остальные военно-политические силы. Никакого радио, никаких телевизоров, никаких средств массовой информации и общественных развлечений. В урочное время — все на молитву, нарушителей или опоздавших — к физическому наказанию. В Кабуле запретили говорить на языке дари, предписав всем пушту — а его знали лишь единицы...

Талибы-то как раз говорили на пушту, и другого языка они не знали. В пакистанских медресе они заучивали тексты Корана, написанного на средневековом арабском. Фактически это был языковой барьер — за пределами Афганистана они не могли ни с кем общаться, разве что со своими соплеменниками в Пакистане. Поэтому и до сих пор нет талибов среди боевиков в Ираке или Палестине. Зато в самом Афганистане они устроили сотни лагерей, где искусству убийства обучались многие тысячи приезжих исламистов из самых разных стран, в том числе из Европы и Америки. И ловят их до сих пор, кто-то сидит на базе Гуантанамо и дает показания, но и там афганских талибов нет. Фанатичные мальчишки, с ходу бравшие баррикады Ахмад-Шаха Масуда, не имели другой цели и к ней не готовились. Лишь их идеологи, убедившись в собственной безопасности, превратили страну в полигон для «воинов джихада», набрали инструкторов, говорящих по-арабски, и устроили хорошо оборудованные базы для будущих воинов-самоубийц в Ираке или в Палестине. Шахиды, «жертвы во имя Аллаха», с исторических времен первых мусульманских походов, были либо воины, погибшие в момент героических деяний, либо праведники, погибшие в результате предательства со стороны собственных собратьев по вере.

Самоубийство в исламе, как и в любой другой великой «религии Книги», безусловно осуждено. Кровавое самоубийство в израильском автобусе не приведет самоубийцу, назвавшегося «шахидом», в столь разрекламированный мусульманский рай; он уж точно попадет в ад, но о нем мусульманские проповедники ничего не говорили... Ангелы смерти Накир и Мункар ввергнут грешника в бездну — а дальше, как говорится, полная неизвестность, но едва ли приятная.

Далее на нашем маршруте — Иран, рвущийся на наших глазах к обладанию ядерным оружием; непонятный и противоречивый арабский мир, на самом краешке которого, как осажденная крепость, стоит крошечный Израиль; а далее, через Турцию, Европа и, наконец, Америка.

Продолжение следует